

УДК 785(410)
ББК 85.318(4Вел)
Б80

Mark Beaumont

OUT OF THIS WORLD: THE STORY OF MUSE

Copyright © 2008, 2014 Omnibus Press (A Division of Music Sales Limited). This edition was translated and published by arrangement and with the consent of Omnibus Press c/o Robert Lecker Agency, Inc.

Бомон, Марк.

Б80 Muse. Electrify my life. Биография хедлайнеров британского рока (+ новая глава внутри)/ Марк Бомон ; [перевод с английского А. Захарова].— Москва : Эксмо, 2019.— 448 с.

ISBN 978-5-04-106706-9

Первая книга о сверхпопулярной британской группе Muse на русском языке. Марк Бомон несколько лет ездил на гастроли вместе с участниками коллектива, что позволило ему создать действительно захватывающую биографию группы: честную, эмоциональную, пристальную, вызывающую. Эта книга ваш единственный шанс оказаться в сумасшедшей вселенной Muse.

УДК 785(410)
ББК 85.318(4Вел)

ISBN 978-5-04-106706-9

© Захаров А. В., перевод на русский язык, 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава первая	12
Глава вторая	54
Глава третья	92
Глава четвертая	126
Глава пятая	152
Глава шестая	194
Глава седьмая	220
Глава восьмая	256
Глава девятая	284
Глава десятая	326
Глава одиннадцатая	350
Глава двенадцатая	382
Британская дискография Muse	435
Благодарности	443

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда я впервые увидел Muse, они показались мне самой незапоминающейся группой из всех, что мне доводилось встречать.

Холодным январем 1999 года, неуклюже рассевшись вокруг стола в промозглом кафе под сводчатым потолком, в нескольких метрах от офиса своей пиар-фирмы, группа давала лишь второе свое интервью профессиональному музыкальному журналисту (первое было с моим коллегой по *NME* Джеймсом Олдхэмом, для их самой первой биографической статьи), причем первое, которое должно было выйти в национальной прессе (в разделе *NME*, посвященном новым группам, тогда он назывался «Он»), и от недостатка опыта общения с прессой у них дрожали кружки в руках и заплетались языки. Трое суетливых, румяных парней-модников из Уэст-Кантри, они казались совершенно несовместимыми с музыкой, которую вроде как исполняют, в частности, первым треком с их второго EP, *Muscle Museum*, который ворвался в стереосистему в офисе *NME* несколько недель назад и покорила нас своей басовой линией а-ля «Марш диплодока», гитарой, звучавшей, как у марокканского заклинателя змей, и припевом, настолько грандиозным в своей фальцетной массивности, что он взрывал колонки, подобно вулкану под Нотр-Дамом, доверху заполненным горящими пластинками Queen.

Это, безусловно, была музыка, которую сочиняли гиганты — восьмидесятифутовые чугуновые рок-гиганты с голосовыми связками визжащих гарпий, гитарами из дымящейся адской серы и яйцами из чистого гранита. Но тем не менее перед нами сидели и бубнили, уткнувшись в свою диетическую «кока-колу», эти трое суетливых, румяных, модно одетых ребят из Уэст-Кантри. Невысокий, с острыми чертами лица, угловатый 20-летний Мэтт Беллами явно был главным спикером; он болтал с огромной скоростью, периодически запинаясь, на протяжении всего отпущенного получаса,

словно нервы и неопытность в общении с прессой вызвали сильнейший приступ словесного гастроэнтерита. Басист Крис Уолстенхолм (Уолстенхолм? Нет, я серьезно — они реально ребята из частной школы?), дружелюбный и обаятельный на вид, задумчиво сидел чуть в стороне и иногда вставлял какие-то подробности и интересные факты, а по-мальчишески застенчивый, но улыбчивый барабанщик Доминик Ховард, судя по общему его вкладу в интервью, вполне возможно, вообще родился немым¹. Возможно ли, что это раскаленное извержение оперного рока, это «Radiohead с мощью Вагнера», этот первый всплеск Новой Музыки создано вот этими... ну... студентами?

Само интервью вышло до болезненного невинным. Они познакомились в школе, выиграли конкурс групп, играли по пабам в Тинмуте пару лет, потом подписали контракт с мелким инди-лейблом, бла-бла-бла. Они бесстыдные подражатели Radiohead? Да, определенное влияние есть, но они совсем другая группа. Что они думают о подписании контракта с лейблом Мадонны, Maverick? На этом лейбле еще записываются Deftones, а Мэтту нравятся Deftones. Как они реагировали на слухи о бурной юности Мэтта в Тинмуте? Ну да, он был плохим мальчишкой, но подробно об этом говорить не хочется.

Мы потягивали безалкогольные напитки, считали минуты и уныло плелись среди типичных вопросов для рубрики «Он». А потом, когда на все вопросы наконец-то были получены ответы, когда я узнал все основные моменты истории (и когда они мастерски избежали любых намеков на что-нибудь интересное, противоречивое или провокационное), я отключил диктофон и сообщил Muse, что они только что дали мне, пожалуй, самое скучное интервью из всех, что мне доводилось брать.

И, похоже, мои слова были восприняты очень серьезно.

Потому что, о боже мой, как же сильно все вскоре изменилось.

¹ По-настоящему я осознал, насколько же незапоминающимся выглядит Доминик, лишь несколько недель спустя: устроив пробежку по территории Редингского университета в погоне за вступительным риффом Muscle Museum, когда Muse выступали на разогреве у Gene на университетских гастроях 1999 года. После концерта я оказался в примерке Gene, и их барабанщик Мэтт спросил меня, понравилась ли мне разогревающая группа. «Они станут огромными звездами», — ответил я. Мое счастье, что я так сказал: Доминик, которого я даже не узнал, стоял в футах от меня, одетый в шерстяную шляпу, и внимательно меня слушал. *(Здесь и далее арабскими цифрами обозначаются примечания автора.)*

* * *

Мы пили водку с целой комнатой фанаток в Москве. В Австрии мы напились настолько, что обнаружили, что забыли Мэтта в Граце, лишь добравшись до Вены. Мы обошли все джиповые дворцы на Пляс-Пигаль и отбивались от толпы, тянувшей к нам руки, у служебного входа в «Берси». Мы начали на Красной площади фотосессию, незапланированную и необъявленную, но через десять минут пришлось спешно эвакуироваться на машине, когда за нами погналась толпа российских фанаток, случайно нас там заметивших¹. Мы разговаривали о сеансах записи в Ричмонде, на которых они были голыми, под грибами и периодически валялись в горячих ваннах. Мы вместе смотрели достопримечательности Лондона, от виртуального полета на метеоре в Музее науки до прослушивания *Absolution* в Планетарии (с использованием звездного шоу) и восхищения восковой попой Кайли Миноуг в музее мадам Тюссо.

В десятилетие, прошедшее после того катастрофического январского интервью, я регулярно цеплялся к заднему бамперу звездолета Muse, который нес их к успеху, брал у них интервью на важнейших этапах взлета и смотрел, как они быстро становятся все круче как живая группа: перерастают театры так же, как младенец перерастает ползунки, сносят крыши с арен по всей Европе и наконец выбираются на стадионы, для которых были рождены.

Даже на самом раннем этапе было ясно, что эта группа слишком большая для залов, в которых выступает. **На первых гастролях в поддержку Showbiz, когда они еще выступали на разогреве или хедлайнерами в маленьких заведениях, они неистовствовали, словно огромное рок-чудовище, которое посадили в слишком маленькую клетку; Мэтт заканчивал каждый концерт разрушительным буйством — разбивал гитары, швырял по сцене тарелки, словно фрисби (на одном концерте в Париже он едва не снес голову Дому), и катался по полу, чтобы гитара «заводилась», словно возмущаясь отсутствием стадионного бюджета, которого**

¹Это событие на самом деле было заснято на камеру Томом Кирком, много лет работавшим над документальными съемками для Muse, и попало на второй DVD концертного альбома *Hullabaloo* в 2002 году — возможно, вы даже сможете там увидеть небольшой фрагмент моего интервью с группой, прежде чем мы уедем в морозный московский день.

заслуживала его музыка. К моменту выхода второго альбома, *Origin of Symmetry*¹, они уже играли в «Академиях», «Аполло» и «Зенитах» и появились шары: десятки надувных белых планет, наполненных серебряным скотчем, отправлялись в небеса на песне Bliss.

Потом, когда после *Absolution* они ворвались на арены, шары уже начали падать с небес под обстрелом пушек с серпантинном и голографических лазеров. Ну а когда *Black Holes and Revelations* сделал группу хедлайнерами фестивалей, у них появились водопады-фейерверки, гигантские мерцающие экраны, гитара, которая, казалось, меняла цвет в зависимости от настроения Мэтта, и органы третьего века, которые зажигались, словно космический корабль из «Ближних контактов», с каждой нотой. Впрочем, Muse считали, что им тесно и в таких условиях, и лучше всего это было заметно по барабанному пьедесталу Дома — неоновой копии спутника, которая была такой здоровенной, что на сцены закрытых арен ее крылья просто не помещались, а без крыльев она больше всего напоминала смесь блендера с огромным экраном. Были даже планы ставить огромную ретрансляционную мачту в центрах зрительных залов на европейском турне в поддержку *Black Holes...*, чтобы даже зрители оказались среди декораций (мачта должна была напоминать установку HAARP на Аляске, которую, как считают конспирологи, построили в рамках государственной программы психотронного оружия), но ценник в 1 миллион фунтов все же отпугнул группу.

А впереди неизбежно ждал стадион «Уэмбли» — их зрелость. Они наконец-то вырвались из закрытых спортивных арен и по-настоящему развернули свои «стадионные мантии». На том концерте трио поднялось, стоя спиной к спине в клубах дыма, на платформе в центре поля, а потом устроило настоящий сенсорный блицкриг. Огромные антенны стреляли лазерами в стратосферу. Гигантские шары пережили очередную эволюцию, пульсируя всеми цветами радуги с верхушек трибун, разглядывая сцену, словно тусовка гигантских инопланетных мозгов, или летая над стадионом, а с них при этом свисали акробаты. Ну а сама сцена была настоящим испытанием для глаз: огромный видеозэкран показывал то искаженные, пикселизированные призраки группы, то фильмы об

¹Я с огромным волнением извлек мой личный платиновый диск с этим альбомом из посылки в конце 2001 года; то была благодарность мне за три года неослабной поддержки.

андроидах-стриптизершах или о разрушенных футуристических городах заблуждений. То был спектакль Muse, каким он должен был быть всегда, шоу такое же монументальное, каким всегда была их музыка. Muse наконец-то добрались домой. И *выдохнули*.

На стадионе «Уэмбли» жарким июньским вечером в 2007 году Muse были самой незабываемой группой, которую я когда-либо видел.

* * *

А интервью? О, какие интервью! Люди-рептилоиды, тайно управляющие государствами! Одиннадцатая планета идет курсом на столкновение с нашей, и именно оттуда, когда она пролетала мимо Земли в последний раз, была занесена жизнь! Галлюцинации марсианских пейзажей! Ракетные ранцы, психотронное оружие правительства, теории заговора 11 сентября, кидонийские рыцари, открытые призывы к революции! Одновременно с тем, как его музыка становилась все смелее и пафоснее, а сценическое шоу превратилось в ослепительный памятник технологии космического века, интервью Мэтта Беллами делались все более дикими и интригующими: он рассуждал о теориях заговора из Интернета, политической и религиозной коррупции и идеях о строении Вселенной, которые он сложил из разрозненных научных фактов, пользуясь своим великолепно перекошенным чувством логики.

Мэтт Беллами — уже далеко не тот скучный бормочущий тинейджер из кафе в Западном Лондоне, каким я его видел в 1999 году: он превратился в человека, который сомневается во всем и стремится отбросить ложь и слухи, которыми нас ежедневно бомбардируют, чтобы найти под ними свою личную правду о политической, религиозной и научной вселенной, в которой мы обитаем. А потом рассказывает о том, что принимал галлюциногены, чтобы по-настоящему *почувствовать* ее. **Отчасти — борец за правду, отчасти — безумный ученый, отчасти — фанат научной фантастики, отчасти — психоделический визионер, Мэтт — это совершенно новая эволюция гена рок-звезды: невероятно интеллектуальный и вагнеровский в своем видении, с его губ на головокружительной скорости слетают мозговывносящие концепции и теоремы, ставящие под сомнение все ваше мировоззрение.** Слушатель просто не в силах переработать и воспринять все это одновременно, и мы постоянно превышали и отведенное на интервью время, и объем по знакам. Иногда мне

казалось, что я беру интервью у всего Интернета по случайно выбранным запросам.

Я попытаюсь передать это головокружительное ощущение на следующих страницах; цитаты, приводимые в книге, в основном из ранее не опубликованных фрагментов интервью, которые я брал у Muse на протяжении всей их карьеры; вы своими глазами увидите, как Мэтт превращался из бормотуна, боящегося репортеров, в одного из самых великолепных и интереснейших музыкантов современности, и, возможно, узнаете кое-что новое о реактивном взлете Muse в стратосферу оперного рока. Это эпическая история о трагедии, приключениях, мистицизме и славе, так что пристегнитесь покрепче, Muse станет сверхмассивной через минус десять, минус девять, минус восемь...

Марк Бомон, июнь 2008 года

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Прогуляйтесь как-нибудь осенним утром по богато украшенному в викторианском стиле пирсу Тинмута – мимо «тетушек Салли»¹ с облупившейся краской, автоматов по размену монет и трассы для картинга, которая размещается на месте старого «Павильона», к ржавеющей старой подзорной трубе, закрепленной в дальнем конце. Вставьте монетку в приемник и посмотрите на северо-восток, в сторону от устья реки Тин и порта, вдоль железной дороги, проходящей по Парсонскому туннелю, к двум грудам камней, отдаленно напоминающим людей, которые поднимаются из волн на восточном мысе Долиша.

Местные жители называют их Парсоном и Кларком; как говорят, их туда поставил сам дьявол.

Легенда звучит примерно так: несколько веков назад епископ Эксетерский тяжело заболел и уехал в Долиш в надежде, что свежий морской воздух поправит его здоровье. Местный приходской священник, однако, решил, что это будет хорошим шансом втереться в доверие старика и заполучить всю епархию после того, как тот умрет. В сопровождении писца священник каждый день пересекал Халдонскую топь, пытаясь уговорить епископа, но однажды ночью, в сильнейшую грозу, они сбились с пути, отклонившись на много миль в сторону. «Я бы предпочел, чтобы моим проводником был дьявол, а не ты!» – закричал поп, и в этот самый момент к ним подъехал всадник и предложил вывести их на ровную дорогу. Пройдя несколько миль, они добрались до ярко освещенного особняка, где творилась настоящая вакханалия; оказалось, что там как раз живет всадник-проводник. Несколько часов священник и писец

¹«Тетушка Салли» – традиционная английская командная игра, в которой участники пытаются попасть палками в скульптурное изображение головы старой женщины. (Здесь и далее звездочками обозначаются примечания переводчика.)

развлекались в страннейшей компании, распивая вино кувшинами, наслаждаясь безбожными удовольствиями вместе с накрашенными девицами и кружась в диких, безумных танцах под жуткую, бесовскую музыку, а потом, на рассвете, в особняк прискакал гонец и сообщил о смерти старого епископа. Священник очень хотел получить повышение, так что бегом бросился к лошади вместе с писцом и проводником, но лошади не двигались с места. Разъяренный поп несколько минут пришпоривал скакуна и исхлестал его кнутом почти до полусмерти, а потом закричал: «Дьявол, забери этих тварей!»

Проводник услышал его, повернулся, его глаза вдруг сверкнули красным, и он прошипел: «Спасибо, сэр», а потом — «Н-но!». И лошади со священником и писцом на спинах взяли с места в карьер, пронесли по скалам над Долишем и прыгнули прямо в море.

Говорят, что две эти груды камней в заливишке — все, что осталось от этой пары. Вельзевул превратил их в камень за жадность и тщеславие, и с тех пор их постепенно разрушают набегающие волны.

Таинственные всадники. Религиозная коррупция. Одержимость демонами. Сверхъестественное преображение. И странный, дикий музыкальный гедонизм.

Такая история, безусловно, не могла не привлечь внимания впечатлительного 10-летнего мальчугана, переехавшего в этот грязный, сонный уголок побережья Девона.

* * *

Когда семья Беллами переехала в сплоченную общину Долиша (население около 13000 человек) из Кембриджа в 1988 году, чтобы жить поближе к родителям Джорджа, отца Мэтта, это наверняка стало поводом для создания еще парочки местных легенд. Быстро поползли слухи, что Джордж Беллами когда-то был рок-звездой: в 1961 году, будучи двадцатилетним кантри-певцом, гитарист из Сандерленда ответил на рекламное объявление в *Melody Maker*, которое дал легендарный импресарио Джо Мик, прославленный автор песен, продюсер и эксцентрик, который в то время был знаменит своим умением сочинять хиты, изобретательными продюсерскими методиками, в которых использовались искаженные и скомпрессированные звуки, извлекаемые из домашней утвари, и зловещим увлечением оккультизмом. Мик нанял Джорджа ритм-гитаристом своего нового проекта — инструментальной группы The Tornados.

Джо Мик использовал The Tornados в качестве сопровождающего состава для многих своих проектов на студии «Холлоуэй-Роуд» – например, они играли с Билли Фьюри и Марти Уайлдом, – но они выпускали синглы и под собственным названием. Дебютный релиз 1962 года, Love and Fury/Popeye Twist, не попал в чарты, равно как и последовавший за ним The Breeze and I, но Джордж стал для группы счастливым талисманом: через четыре месяца после его прослушивания третий сингл, Telstar, стал хитом. Композиция, в которой приоритет отдавался клавишным в стиле Эннио Морриконе (начиналась она с шума и писка воображаемого спутника), была сочинена Миком в июле 1962 года, вдохновленная спутником, который впервые передал телевизионную картинку через Атлантический океан. Telstar пять недель возглавлял британский хит-парад синглов, помог The Tornados стать первой британской группой, занявшей первое место в US Hot 100, и в следующие полгода разошелся тиражом в пять миллионов. Буквально за один месяц 1962 года The Tornados превратились в серьезных конкурентов The Shadows за звание ведущей инструментальной группы Великобритании. Позже Telstar достигла еще больших высот популярности, когда Маргарет Тэтчер назвала ее своей любимой песней. А Джордж стал всемирно известной поп-звездой.

Его время в The Tornados было довольно бурным – в том числе и из-за странных и иногда жестоких методов работы Мика. **Если он не посвящал Джорджа в тайны спиритической доски, то вел себя как шизофреник: однажды в студии группа, по мнению Мика, сыграла неважно, он, конечно, разорался. Артисты мгновенно ринулись прочь из студии, но Мик, желавший быть услышанным, швырнул вслед музыкантам тяжеленный кассетный магнитофон, едва не прибив им басиста.** Гастроли тоже стали откровением: от летних сезонов на курортах «Батлинс» до весьма запоминающегося концерта в Манчестере вместе с Рольфом Харрисом и The Beatles на пике битломании. Зрительницы кричали, потом все переросло в беспорядки, в зал даже ворвалась полиция. Посреди этого бардака Джордж заглянул в примерку коллектива Рольфа Харриса, где застал его участников целующимися с фанатками. Где в этот момент находится Трехногий Джек со своей лишней ногой – история умалчивает.¹

¹ Прим. ред.: очевидно, имеется в виду сам Рольф Харрис, чей знаменитый номер с танцем на трех ногах был популярен в 1960-е.